

ПУТЕБРОДИТЕЛЬ

ПО ОБЕ СТОРОНЫ АРБАТА

ИЛИ ТРИ ДОМА МАРГАРИТЫ

ВИКТОР СУТОРМИН

Виктор Николаевич Сутормин

По обе стороны Арбата, или Три дома Маргариты

Серия «ПутеБродитель»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11614311

По обе стороны Арбата, или Три дома Маргариты.

ПутеБродитель. / Сутормин В.Н.: Центрполиграф; Москва; 2015

ISBN 978-5-227-05863-8

Аннотация

В глубине арбатских переулков прошлое и настоящее, вымысел и реальность перетекают друг в друга легко и незаметно. По этим тротуарам ходили персонажи литературных произведений и люди, ставшие их прототипами, и ещё множество ярких личностей, без которых просто невозможно представить себе ту прежнюю, ушедшую Москву. Она, казалось бы, сохранилась лишь в книгах или на старых фотографиях. Но всё же – нет, она существует, и мы можем вместе посетить её. А чтобы не бродить совсем уж бесцельно, давайте попытаемся отыскать один дом... Помните? «Маргарита Николаевна со своим мужем вдвоём занимали весь верх прекрасного особняка в саду в одном из переулков близ Арбата. Очаровательное место! Всякий может в этом убедиться, если пожелает направиться в этот сад. Пусть

обратится ко мне, я скажу ему адрес, укажу дорогу – особняк ещё цел до сих пор».

Содержание

Тучерез	8
1. Пушкинская площадь	44
2. Дом настоящего человека	67
3. Дом Труда и Правды	73
Издатель	79
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Виктор Сутормин
По обе стороны
Арбата, или Три дома
Маргариты. Путешествие

Автор выражает искреннюю благодарность за помощь в работе над книгой:

Департаменту информации и печати МИД Российской Федерации и лично Лукашевичу Александру Казимировичу, Департаменту культурного наследия города Москвы и лично Кибовскому Александру Владимировичу, Научно-проектному институту «Спецпроектреставрация» и лично Калиниченко Юрию Петровичу, Центру историко-градостроительных исследований (ЦИГИ) и лично Пастернаку Борису Евгеньевичу, Музеем «Булгаковский дом» и лично Склярской Наталье Петровне, Литературному музею А.М. Горького и лично Демкиной Светлане Михайловне, Московскому клубу филокартистов, Лазаревой-Станицевой Кире Сергеевне, Сайгиной Людмиле Владимировне, Золотарёву Михаилу Валентиновичу, Кривоносову Юрию Михайловичу, Шиловскому Сергею Сергеевичу,

а также

Аллавердян Анне, Антонову Сергею, Баландину Александру, Баланцеву Борису, Боброву Юрию, Бородулину Владимиру, Вайнштейну Михаилу, Дедушкину Алексею, Дементьеву Алексею, Караваеву Сергею, Кезлингу Владимиру, Ковалёву Владимиру, Козлову Павлу, Масленникову Евгению, Мясникову Юрию, Нехорошеву Владимиру, Нечаевой Лидии,

*Олейнику Николаю, Орлову Владимиру, Разумову Вадиму,
Рудченко Виталию, Рябову Алексею, Сергееву Владимиру,
Соболевой Анастасии, Фединой Маргарите, Фёдоровой-Зем-
лянской Дарине, Черненковой Елене, Чуванову Всеволоду*

Тучерез

Есть особые ворота и особые дома...
Арсений Тарковский

Он появился на свет в центре столицы, в двух шагах от Пушкинской площади, благодаря человеку со странной для русского уха фамилией Нирензее. Необычная фамилия была под стать личности, от которой не осталось ни единой достоверной фотографии, чья судьба известна только по слухам, и даже имя в различных источниках пишется по-разному: то Эрнст-Рихард Нирнзее, то Эрнест Ришард Нирензее, причём буква «е» в фамилии появляется явно лишь по той причине, что для русского человека сочетание звуков «рнз» труднопроизносимо. Поскольку правды всё равно не узнать и чтобы не мучиться, будем называть его просто Эрнест Карлович Нирензее.

Неизвестно, где этот человек получил квалификацию архитектора (чертежи своих первых построек в Москве он подписывал как «техник архитектуры»), но строил он много и успешно: почти сорок домов за четырнадцать лет. Главным образом это были доходные дома – на них в начале XX века существовал такой спрос, что Нирензее ежегодно выполнял два-три заказа, а в хороший год мог работать над пятью или шестью, и это не считая тех зданий, которые Эрнест Карло-

вич строил уже для себя.

Страстная площадь. Фото из фонда ЦИГИ, до 1933 г.

В смысле потребительских качеств дома его настолько хороши, что больше половины из них дожили до наших дней и квартиры в них недёшевы (правда, ещё и потому, что стоят они на Тверской-Ямской, у Патриарших и в других престижных местах). И всё же, хотя и много в Москве его построек, но когда говорят «дом Нирензее», подразумевают именно этот.

В чём же заключалась его необычность тогда, в 1913 году? И что ещё произошло с ним такого, отчего десятиэтажный

жилой дом сделался единственным и неповторимым?..

Первый московский небоскрёб (впрочем, во времена постройки этого дома английское слово *skyscraper* переводили как «тучерез») поражал воображение современников. Построенный всего за год, дом взметнулся на девять этажей, причём на его плоскую крышу хитроумный архитектор поставил ещё один этаж, десятый, не очень заметный снизу, зато со смотровой площадкой, откуда можно было обозревать практически всю Москву.

Электрические лифты, собственная телефонная подстанция, паровое отопление – оценить это по достоинству могли только люди образованные или хотя бы побывавшие внутри здания; но вот когда на город надвигались грозовые тучи, голубоватые огоньки, мерцавшие на стальных ограждениях смотровой площадки, были видны всем. Кто из курса гимназии помнил про огни святого Эльма, те не беспокоились, зато прочую публику чрезвычайно нервировали «чёртовы фонари», мерцавшие аккурат наискосок от Страстного монастыря.

Поползли разговоры о том, будто бы иеромонахов попросили изгнать нечисть, да только не стали чернецы этим заниматься, отказались. Или же попробовали, но не вышло у них. Так или иначе, домовладельцу шумиха пошла на пользу: ведь те господа, на которых он рассчитывал в качестве квартирантов, если чего и боялись, то уж точно не врага рода человеческого. А расчёт у Эрнеста Карловича имелся, и

очень точный.

Дело в том, что Нирензее был родом из Польши, а там, говорят, если на сцене висит ружьё, то стрелять в третьем акте оно не будет, но зато улицу Маршалковскую в Варшаве непременно кому-нибудь продаст.

А если серьёзно, то в проекте здания в Гнездниковском переулке архитектор соединил два уже известных принципа, направленные на решение одной задачи: получение максимальной прибыли с каждого квадратного метра. Первый открыли американцы – высотное здание позволяет при небольшом размере земельного участка получить большие площади.

Вторая идея, «дом дешёвых квартир», тоже была реализована до Нирензее и основывалась на существовании социального слоя, готового арендовать жильё без кухни, столовой и комнат для прислуги при условии соответствующего снижения квартплаты. Взять, к примеру, студентов и прочих молодых холостяков: для них отдельное жильё площадью 30–40 метров без кухни, но с удобствами – это практически рай земной, особенно при наличии ресторана или хотя бы столовой на верхнем этаже.

Вот именно такой рай и построил для них Эрнест Карлович, даже не догадываясь, что нечаянно создал реальное воплощение идеального жилья из социалистических утопий. Однако это «попадание в яблочко» обнаружится ещё не скоро, а на первых порах дом Нирензее заселила в основном

художественная богема, всегда любившая окрестности Тверского бульвара и по достоинству оценившая преимущества нового здания.

Hierisee

Эрнест-Рихард Нирензее (?)

В числе первых жильцов оказались, например, недавно приехавший из Петербурга молодой адвокат Александр Таиров (уже созревающий до решения бросить юриспруденцию и посвятить себя театру), футурист Давид Бурлюк (к нему в гости частенько будет заходить Маяковский) и художник Роберт Фальк, вокруг которого вскоре образуется художественное объединение «Бубновый валет».

Подвал, по проекту предназначавшийся для того, чтобы жильцы могли устраивать там праздники и вечеринки, вскоре занял театр-кабаре «Летучая мышь», в представлениях и капустниках которого блистали актёры и актрисы МХТ, и постепенно дом Нирензее сделался одним из центров культурной жизни Москвы. На пятом этаже в одной из квартир разместилась редакция журнала «Синефоно», посвящённого новостям кинематографии и грамзаписи. По соседству открылись конторы кинопрокатчиков и продюсеров, начали селиться постановщики, операторы и артисты, – в общем, здесь постоянно крутилось множество людей, желавших служить Великому немому. В результате их встреч, случайных и не очень, могло возникнуть что угодно: идеи, скандалы, творческие союзы...

Созданное в 1915 году «Товарищество В. Венгеров и В. Гардин» объединило финансы и прокатные возможности первого с актёрским талантом и режиссёрской хариз-

мой второго. Владимир Гардин, начинавший свою карьеру на провинциальной сцене, к моменту встречи с компаньоном успел организовать свой театр, увлечься синемаатографом и снять несколько лент. Возможность экранизировать русскую классику вдохновляла его ничуть не меньше, чем Венгерова увлекала перспектива заполнить кинорынок собственной продукцией. Их совместное предприятие разместилось в доме Нирензее, где Гардин сначала поселился, а потом организовал на крыше съёмочную площадку, вызывавшую у конкурентов мучительные приступы зависти. Надо сказать, что эта прекрасная идея возникла случайно – действие 10-серийного фильма «Дочь улицы» (одного из первых, снятых товариществом) происходило «в каменных джунглях», в том числе и на крышах.

Кинематограф всегда представлял собой скопление безумцев, имитирующих вменяемость лишь по мере необходимости, так что скоро дом зажил очень весело. Расположение съёмочного павильона на крыше жилого здания уже в силу самого факта вносит в ситуацию некий элемент непредсказуемости. А если учесть, что кино пока делает первые шаги и учится на ошибках, тогда вообще. Эйзенштейн ещё не сформулировал мысль о том, что «таракан, снятый крупным планом, страшнее, чем стадо бешеных слонов, бегущих по джунглям, снятых общим планом», а великий сказочник Александр Роу, заметивший, что в кино «следует доверять

только тому, что держится на сопле и веревочке», пока вообще под стол пешком ходит. О возможности комбинированных съёмок многие режиссёры-первопроходцы представления не имеют – у них всё на полном серьёзе.

И вот уже с восторгом жильцы рассказывают всей Москве, как акробат по имени Амо Бек спускался с крыши по водосточной трубе, а крепление не выдержало и труба начала отрываться от стены... и он просто каким-то чудом зацепился, будто ящерица. Потом перебрался по карнизу к другой трубе и по ней спустился на землю. А оператор на другой день напился в лоскуты, потому что весь отснятый материал ушёл в брак.

Надо сказать, что кино начала XX века – это было по силе воздействия нечто феноменальное. Публика могла без всякого 3D и Dolby Digital в панике ломануться на выход с картины «Прибытие поезда», а видовую ленту «Плавание по Нилу» смотреть так заворуженно, как Кэмерону с его «Аватаром» даже не снилось. Говорят, что после просмотра фильма «Стрекоза и Муравей» зрители до хрипоты спорили, не понимая, как это сделано – то ли для съёмок кто-то сумел настоящих насекомых выдрессировать, то ли безупречно выполненные муляжи оживили.

Может быть, благодаря фантазёрам-киношникам, а может, тому виной сама атмосфера необычного дома, но легенды возникали здесь в изобилии, и некоторые дошли до наших дней. Рассказывали, что в ещё недостроенном доме слу-

чился пожар, причину которого так и не выяснили. Хотя таинственного здесь немного. Скорее всего, какой-нибудь разгильдяй штукатур неудачно выбросил окурок, как это обычно бывает; а застройщик и домовладелец от греха подальше постарался спрятать концы в воду, дабы не усложнять отношений с пожарными, которые и без того на высотное здание смотрели косо.

Вид с крыши дома Нирензее. Фото 1926–1927 гг.

Ещё ходили разговоры, будто бы в семействе самого Нирензее начались несчастья, едва оно с прежней квартиры переехало в новый дом: сначала супруга Эрнеста Карловича

подвернула ногу не то на лестнице, не то и вовсе на ровном месте, потом допившийся до белой горячки сын Карл бросился с крыши и разбился насмерть. Неизвестно, правда ли это или так трансформировались рассказы о трюке циркача Виталия Лазаренко, который взобрался на парапет и сначала сделал стойку на руках, непринуждённо болтая при этом с киношниками и репортёрами, а когда внизу собралась толпа, начал ей «делать ручкой», стоя на одной левой. Репортёры о случае написали и забыли, а вот в мире кино эта выходка помнилась долго и даже воскресла в фильме «Корона Российской империи»: «Мадам, месье! Русский самоубийца! Всего за пять франков он пройдёт на руках по всему парапету!»

Так или иначе, крыша дома Нирензее быстро сделалась популярной среди вознамерившихся покончить с жизнью — то ли оттого, что попасть сюда было гораздо проще, чем пробраться на какую-нибудь колокольню, то ли оттого, что на миру и смерть красна, а здесь всегда было многолюдно с тех пор, как на крыше вместо съёмочной площадки начала работу «Греческая кофейня».

Одного посетителя кофейни поймали буквально за фалды пиджака, когда он уже почти перелез через ограждение. Тот пришёл в себя и заявил, что нашло на него некое помутнение рассудка, «услышал голос»...

После этого и некоторым из жильцов дома начали слышаться голоса, причём источником зла сочли беднягу Ни-

рензее – если уж «немец обезьяну выдумал», то спрятать в стене говорящее устройство он вполне может. И как ни старался Эрнест Карлович доказать, что распугивать квартирантов и сводить их с ума не в его интересах, никто его не слушал, тем более что кайзер Вильгельм объявил войну России и сразу началась вакханалия: стихийно собирались толпы людей и громили магазины и прочие заведения с немецкими фамилиями на вывесках.

Нирензее понял, что оставаться в России нет резона, и начал паковать чемоданы. Свой дом в Большом Гнездниковском он продал, и весьма удачно – за 2 миллиона рублей, как если бы он стоял на Маршалковской. Покупателем стал Митька Рубинштейн, петербургский банкир с тёмным прошлым. Через несколько месяцев его репутация засияет новыми гранями – Рубинштейн станет личным банкиром Распутина и начнёт пробиваться на самый верх.

Российскому кинопроизводству война, как ни странно, пошла на пользу: перекрытые границы резко уменьшили количество импортных фильмов, отчего повысился спрос на отечественные. К тому же появился новый жанр – фронтовая кинохроника. Снимать её было хлопотно, протаскивать через военную цензуру и того сложнее, но зато и продавалась она как блины на Масленицу... Венгеров занимался этим уже без Гардина – тот отправился на войну и вскоре стал артиллерийским офицером.

Николай II в должности главнокомандующего появлялся

и в Ставке, и в кинохронике. Но ни его отрешённое лицо, ни приколотый к мундиру Георгиевский крестик зрителей не впечатляли. В темноте кинозалов они этот кадр комментировали так: «Царь – с „Егорием“, а царица – с Григорием...»

Февральскую революцию дом Нирензее принял, как и вся страна, с воодушевлением, а вот Октябрьскую не одобрил. По крайней мере, засевшие на крыше юнкера своими двумя пулемётами наглухо перекрыли и Страстную площадь, и Тверскую улицу. Выбивал их оттуда отряд эсеров под командованием Юрия Саблина.

Страстная площадь. Фото Николая Петрова, 1930–

1932 гг.

Девятнадцатилетним этот человек ушёл добровольцем на войну, с фронта был направлен в школу прапорщиков, вступил в партию эсеров; после Февральской революции он уже член ЦИКа, а после октябрьских событий – военный комиссар Московского района. (Бунин об этом назначении написал в дневнике так: «Юрка Саблин – командующий войсками! Двадцатилетний мальчишка, специалист по кэкуоку, конфектно-хорошенький...»)

Люди одного круга, они были даже знакомы, но пути себе выбрали разные. Будущий нобелевский лауреат эмигрировал, а сын книгоиздателя и внук академика нырнул в революцию, как в водоворот. Не пройдёт и полгода, как Саблин станет одним из руководителей выступления левых эсеров против Брестского мира, после разгрома мятежа будет осуждён на один год и сразу же помилован ввиду былых революционных заслуг; во время Гражданской войны проявит себя как храбрый командир полка, потом дивизии. А ещё через год вместе с другими делегатами X съезда партии большевиков будет штурмовать мятежный Кронштадт и стрелять по левым эсерам.

Разойдутся пути многих, кто находил в доме Нирензее стол и кров. Бурлюк уедет в Америку, Маяковский станет рупором революции. Венгеров эмигрирует, и единственное, что он сумеет вывезти, – это негативы фильмов, а Гардин,

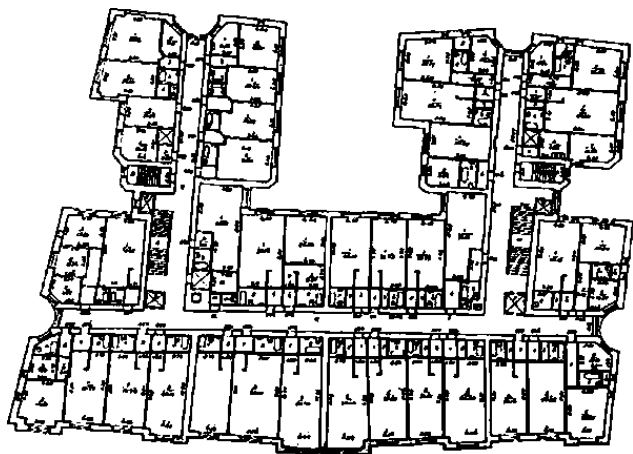
повоевав за власть Советов, вскоре станет первым заведующим киношколы, из которой со временем получится ВГИК. Таиров возглавит один из самых авангардных театров новой страны, а бывшему каскадёру Амо Беку придётся на время Гражданской войны освоить ремесло сапожника.

А дом Нирензее не останется даже домом Рубинштейна – в 1918 году здание будет национализировано, как и «Метрополь», «Националь» и множество других помещений, нужных советской власти. Отныне его имя – «4-й Дом Советов», на новоязе – «Чедомос». И ничего смешного, граждане. Обыкновенная аббревиатура, которым в те годы не было числа. Вот если бы таким способом сократили «1-й Дом Советов», тогда действительно могло бы получиться комично, но там (то есть в «Национале») проживали Дзержинский, Свердлов, Троцкий, и мало кто рискнул бы прилюдно зубоскалить в их адрес.

Для революционной верхушки, находившейся на полном государственном обеспечении, дома гостиничного типа подходили идеально. К чему кухня, если продуктов всё равно нет, зато в бывшем ресторане бесплатно кормят по талонам? К чему мебель, когда уже завтра ты можешь быть направлен с каким-нибудь важным заданием в другой город? Даже одежда: на что тебе запасы одежды, если при необходимости обновить гардероб достаточно написать заявку в хозупр – и просимое тебе выдадут прямо со склада вещей, реквизированных у буржуев?

Так что запросам людей нового типа «Чедомос» соответствовал и лаконичными планировками, и уровнем комфорта. Квартыры-«ячейки» площадью от 28 до 75 квадратных метров – вполне себе хоромы, особенно для тех, кто ещё недавно «был никем», как совершенно точно было сформулировано в гимне.

Лифтёры и электрики, телефонистки и уборщицы, водопроводчик и столяр продолжали обслуживать дом при новой власти, как делали это при старой; часть жильцов съехала – кто сам, а кто и не по собственной воле; классово чуждое кабаре «Летучая мышь» уступило место революционному клубу; вместо кафе «Крыша» открылась социалистическая столовая. У дома, как и у всей страны, началась новая жизнь.

План этажа дома Нирензее

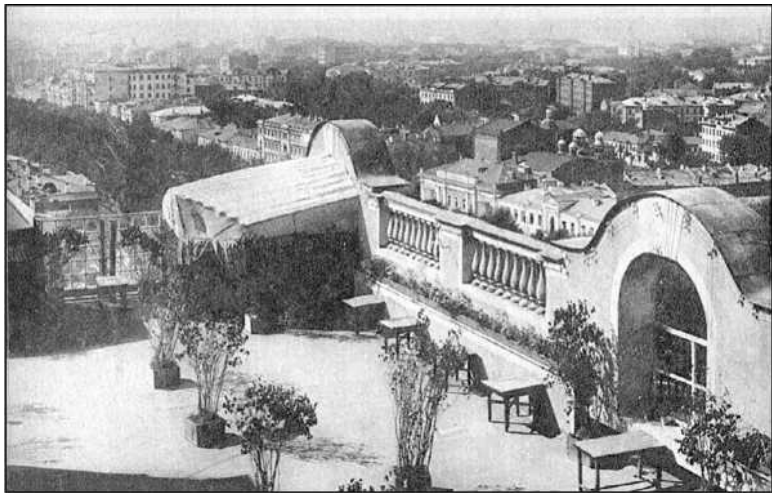
Вместо адъюнктов и приват-доцентов в здешние апартаменты въехали Матвей Шкирятов, член комиссии ЦК ВКП(б) по проверке и чистке рядов партии, Иван Лихачёв, директор национализированного завода АМО (будущий ЗИС, завод имени Сталина), Вадим Подбельский, народный комиссар почт и телеграфа, вступивший в эту должность, разогнав всех, не поддерживавших Октябрьский переворот, и распорядившись не пропускать «ненужных» телеграмм.

Вместо частных кинокомпаний появилась Ассоциация революционной кинематографии (АРК), созданная Эйзенштейном и Кулешовым. Открылось представительство берлинской газеты «Накануне» – эмигрантской, но очень лояльной по отношению к советской власти. Её воскресное литературное приложение редактировал Алексей Толстой, а московскими сотрудниками стали Михаил Булгаков, Константин Федин, Всеволод Иванов, Валентин Катаев. Почти каждый из них уже сделал себе имя в литературном мире, и влекла их сюда отнюдь не возможность заработать денег, написав за полчаса очередной фельетон, а царившая в этой редакции атмосфера своеобразного литературного клуба.

Карикатура. Журнал «Прожектор», 1923 г. Подпись: «Вот человек, занимающий самое ВЫСОКОЕ положение в Москве!»

Впрочем, и сам дом, и его уникальная крыша тоже были по-своему привлекательны. Особенно в период НЭПа, когда в помещении на десятом этаже, вместо советского общепита, начал работу частный ресторанчик с увеселительными программами и опять же киносеансами поздним вечером, причём репертуар имел оттенок отчётливо ностальгический. Нетрудно представить, как было приятно сидеть у парапета душным летним днём, потягивая холодное пиво (отпускавшееся здесь не только членам профсоюза, но и простым смертным), или в сгущающихся сумерках, распивая с приятелями напитки покрепче.

Ресторан «Крыша». Открытка из коллекции Владимира Бородулина

Сиживал на этой крыше и Михаил Булгаков, описавший свои впечатления так: «В июльский душный вечер я вновь поднялся на кровлю того же девятиэтажного нирензеевского дома. Цепями огней светились бульварные кольца, и радиусы огней уходили к краям Москвы. Пыль не достигала сюда, но звук достиг. Теперь это был явственный звук: Москва ворчала, гудела внутри. Огни, казалось, трепетали, то желтые, то белые огни в черно-синей ночи. Скрежет шел от трамваев, они звякали внизу, и глухо, вперебой, с бульвара неслись звуки оркестров.

На вышке трепетал свет. Гудел аппарат – на экране был помещичий дом с белыми колоннами. А на ниж ней платформе, окаймляющей верхнюю, при набегавшем иногда ветре шелестели белые салфетки на столах и фрачные лакеи бежали с блестящими блюдами».

Однажды в кафе сидели за столиком трое: Владимир Маяковский, Велимир Хлебников и Юрий Саблин. Последний, хотя и был человеком весьма интересным и даже успешным, в компании двух гениальных поэтов чувствовал себя не лучшим образом. Ну кто он был, даже награждённый орденом Боевого Красного Знамени за номером 005, по сравнению с ними?.. Так, всего лишь сын дореволюционного издателя. Однако очень хотелось быть со звёздами на равных, и потому Саблин не удержался и, показав на свой орден, выдал:

– Между прочим, таких, как я, всего пять человек на всю Советскую Россию.

– А таких, как я, всего один, – мгновенно отозвался Маяковский.

А Хлебников подумал и печально промолвил:

– А таких, как я, и вовсе ни одного...

Кстати говоря, Маяковский и Булгаков считались общепризнанными острословами, и каждая их встреча перерастала в словесную дуэль. Осколочек одной из таких пикировок сохранился в воспоминаниях Валентина Катаева:

– Владимир Владимирович, говорят, вы замечательно

придумываете смешные фамилии для своих персонажей. Не поделитесь?.. Мне вот сейчас нужна типично профессорская.

– Тимерзязев, – с ход у предложил Маяковский.

Как и все присутствовавшие, Булгаков рассмеялся, но профессору дал другую фамилию – Персиков.

Отношения между Маяковским и Булгаковым были непростые. Каждый из них отдавал должное чувству юмора другого и признавал его талант, но их всегда разделяла некая незримая баррикада. Возможно, это было этическое противостояние конформиста и нонконформиста. Хотя и Булгаков, конечно, пытался как-то встроиться в советскую жизнь, но, в отличие от Маяковского, он не пытался убедить себя и других, что живёт в самой лучшей стране.

При встречах оба писателя общались исключительно корректно и даже могли, перебрасываясь шутливыми колкостями, сыграть партию в бильярд где-нибудь в Доме литераторов, но в своих произведениях не упускали случая приложить противника от души. Маяковский в пьесе «Клоп» внёс Булгакова в Словарь умерших слов светлого коммунистического будущего, а Булгаков образом поэта Рюхина сказал всё, что думал о Маяковском.

А будущее тем временем всё светлело и светлело.

Фото 2014 г.

В стране начались публичные политические процессы, а в доме появился новый жилец, для которого объединили две квартиры на восьмом этаже и выделили специальный лифт, ходивший без остановок на других этажах. Говорили, что ради этого жильца и его безопасности даже прорубили новые окна, заложив при этом старое, выходившее в сторону соседней квартиры, — и этот миф дожил до наших дней, поскольку окна в таком виде и сохранились. На самом деле ещё до революции перекроил квартиру проживавший в ней художник, которому не нужно было окно, выходившее на север, ведь солнечного света оно не даёт. Так или иначе, именно в эту квартиру въехал таинственный жилец, увидеть которого соседи могли разве что выходящим из служебного лимузина, да ещё в Колонном зале Дома союзов, где он в мундире Генерального прокурора СССР поддерживал обвинение. Будучи очень квалифицированным юристом, Андрей Януарьевич Вышинский всё же не баловал своих многочисленных подсудимых разнообразием подходов, неизменно требуя для врагов народа высшей меры наказания, за что и получил прозвище Ягуарьевич.

Панорама Москвы с крыши дома Нирензее. Фото из фонда ЦИГИ, 1930-е гг.

Газета «Накануне» давно закрылась, теперь помещение редакции занимал уголовный розыск. Правда, на десятом этаже – как раз там, где был когда-то ресторан, – возникло издательство «Советский писатель». Но к тому времени некоторые из литераторов уже осознали принцип «всё вами сказанное может быть использовано против вас» и просто замолчали, другие от греха подальше нигде не появлялись в трезвом виде, многих перестали печатать, а некоторых и вообще арестовали.

Репрессии не обошли стороной и жильцов дома, не имевших к литературе никакого отношения, – из них к концу 30-х годов сидел каждый третий.

Во время войны в здании размещался штаб 56-й артиллерийской дивизии. Расположенная на крыше зенитная батарея отражала воздушные налёты люфтваффе так успешно, что в дом не попало ни единой бомбы. Главной причиной этого факта являлась высота дома – бомбардировщики просто не имели возможности приблизиться, не попав под обстрел.

Панорама Москвы с крыши дома Нирензее. Фото из фон-

да ЦИГИ, 1930-е гг.

Когда враг был отброшен от столицы, бомбардировки прекратились и зенитная батарея ушла на запад вслед за войсками. Но зато на крыше, к полному восторгу местной ребятни (да и взрослых, чего уж лукавить), всё чаще стали разворачивать батарею салютную. Когда сводка Совинформбюро сообщала об освобождении очередного крупного города, жильцы уже знали, что на крышу до самого вечера никого пускать не будут, а выходить на лестницы надо осторожно, пока солдаты не прекратят таскать по ступенькам зелёные зарядные ящики и тяжеленные детали салютных орудий.

Ближе к вечеру суэта прекращалась, на какое-то время дом затихал... а потом вдруг раздавался залиvistый свист в четыре пальца – это сигналил кто-то из пацанов, оставленных дежурить рядом с часовым. И сразу дом оживал, будто включили фонограмму звучания сотен ног: туфли-лодочки и мужские башмаки, тапочки стариков и протезы инвалидов, подкованные сапоги демобилизованных и босые пятки ребятни – все жильцы спешили на крышу.

Крыша дома Нирензее. Фото 2012 г.

Ох эта крыша!.. Как сладко содрогалась она от каждого залпа, как трепетало и звенело над ней многоголосое «ура!»! Словно живое существо, большое и доброе, подставляла она свою широкую плоскую спину под любые затеи здешних обитателей.

До революции здесь молодёжь каталась на роликовых коньках, в советские времена старики играли в шахматы, а подростки устраивали гонки на велосипедах, пользуясь тем, что железный мостик соединял П-образную крышу в кольцо, по которому можно было наматывать круги... На протянутых верёвках хозяйки сушили постиранное бельё, не боясь, что мальчишки залепят в него футбольным или волейбольным мячом. Если спортивный снаряд перелетал через ограждение, сразу начиналась другая игра: пацаны мчались вниз, чтобы раньше соперника найти мяч и вернуть его на площадку. Строгие лифтьёрши баловства не поощряли, и мяченосцы носились по лестницам, перескакивая через ступеньки, хоть вниз, хоть вверх.

Радиолюбители установили на крыше антенны своих коротковолновых передатчиков, приспособив для этого триангуляционный знак – вышку из металлического профиля, смонтированную на верхней из крыш для того, чтобы геодезисты могли по сей Москве привязываться к данной точке при проведении топографических съёмок.

А под этим научным приспособлением собирались другие специалисты, «инженеры человеческих душ», как называл их когда-то товарищ Сталин. Бывшее помещение ресторана пригодились для производства пищи духовной – сюда вселилась редакция издательства «Советский писатель». По её коридорам и кабинетам ходили Маршак, Паустовский, Катаев, Олеша, Симонов, Твардовский... а между ними без особого стеснения шныряли жильцы девятого этажа – например, чтобы воспользоваться редакционным туалетом за неимением собственного. Дело в том, что Нирензее не снабдил удобствами служебные помещения вроде столярной мастерской – он ведь не предполагал, что все они в советское время правдами и неправдами, но будут заселены.

За тридцать лет работы издательство так разрослось, что было вынуждено подыскать себе более просторное пристанище, а в домик на крыше въехала редакция журнала «Вопросы литературы», или просто «Вопли». Как видно по этому сокращению, народ там подобрался душевный и не без юмора – недаром к желанию режиссёра Карена Шахназарова снимать на их территории некоторые сцены фильма «Курьер» они отнеслись с пониманием и предоставили такую возможность.

Да и как откажешь, если кино на этой крыше снималось испокон веку?... К тому же всего несколькими годами раньше Савва Кулиш снимал здесь «Сказки... сказки... сказки старого Арбата», а ещё до него проходили съёмки фильма

«Служебный роман» Эльдара Рязанова. В одном из эпизодов Алиса Фрейндлих и Андрей Мягков сидят на самой верхней крыше дома, под вышкой триангуляционного знака.

Кадр из фильма «Служебный роман». Режиссер Эльдар Рязанов, киностудия «Мосфильм», 1977 г.

Лет двадцать спустя эту окончательно проржавевшую металлическую конструкцию демонтировали, как в своё время разобрали и мостик, соединявший в кольцо путь по крыше;

потом дошла очередь и до ремонта кровли. Гидроизоляцию, выполненную при Нирензее в виде тонкого слоя свинца, спаянного в единый лист, восстанавливать не стали – зачем, когда уже есть более современные технологии?.. Однако вряд ли вы удивитесь, узнав, что после этого ремонта крыша начала протекать, чего с ней не случалось даже во времена артиллерийских салютов...

Вообще Эрнест Карлович Нирензее свой тучерез строил на совесть, он ведь полагал, что создаёт источник дохода для себя и своих потомков на много-много лет. Перекрытия хотя и деревянные, но из лиственницы, а она, как известно, гниению не подвержена и служить может хоть двести лет. О трубах такого не скажешь, они неизбежно ржавеют. В середине прошлого века проводился капитальный ремонт. Облицованные красным деревом кабины лифтов, утратившие свой лоск за тридцать лет, прожитых тучерезом в шкуре Чедомоса, уступили место изделиям советских лифтостроителей. Маленький лифт «имени Ягуарьевича» не так давно заменила фирма OTIS. Но отопление и прочие инженерные коммуникации снова дышат на ладан, с электропроводкой дела обстоят не лучше.

Однако ремонта жилыцы и хозяева квартир боятся больше всего на свете. Причина проста и понятна: провести ремонт и реконструкцию дома под силу только мощной коммерческой структуре, а она может заняться подобным проектом исключительно в собственных интересах – например, чтобы

сделать здесь хороший отель. А значит, нынешние обитатели дома ни при каких обстоятельствах вернуться сюда уже не смогут, а живущему на Пушкинской площади быть переселённым куда-нибудь в Ю-Бутово – это, что называется, нож острый.

Но нашего человека так просто не возьмёшь: какие законы ни придумывай, какие правила ни вводи, он всё равно выживет. Предки выживали при Иване Грозном и Петре Великом, при военном коммунизме и геронтократии – так неужели найдётся такая сила, на которую нам не хватит иммунитета?

Помните «Летучую мышь», поселившуюся в подвале ту-череза? Революционному клубу одолеть её оказалось не по силам. Здесь всегда был театр: кабаре «Кривой Джимми», потом Театр сатиры, Студия Малого театра, цыганский театр «Ромэн», потом Учебный театр ГИТИСа... А в 1989 году вновь открылся театр «Летучая мышь».

Эпилог

Нирензее после 1918 года исчез. По неподтверждённым данным, в Америке парочка небоскрёбов построена человеком по фамилии Нирензее, так что всё возможно.

Рубинштейн, как ни странно, пострадал не от революции, а от собственной наглости. Пользуясь покровительством Распутина, он начал требовать слишком больших от-

катов и увяз в махинациях, с которых его покровитель не имел ничего, кроме головной боли. «Старец» обозлился и велел Митьку даже на порог не пускать. В 1916 году Рубинштейн был арестован военными властями по обвинению в государственной измене. Помимо преступлений самого Дмитрия Леоновича, следователей очень интересовали дела Григория Ефимовича, но получить компромат на Распутина им не удалось – за пять месяцев знакомства «старец» не так уж близко к себе подпустил Рубинштейна. Дело закончилось высылкой банкира в Псков. Но подобные персонажи не тонут ни в каких ситуациях. В 1920-х годах Рубинштейн вынырнул в Европе, где был замечен в связях с большевиками, искавшими каналы для обмена реквизированных ценностей на свободно конвертируемую валюту.

Венгеров в эмиграции попытался наладить кинобизнес, но старания не увенчались успехом, судя по тому, что о его деятельности после 1917 года никакой информации нет.

Гардин не только стоял у истоков отечественной киношколы, но и активно участвовал в кинопроцессе. Правда, приход звука в кино поставил Владимира Ростиславовича перед вопросом: а готов ли он заново учиться ремеслу, которое так бойко осваивает молодёжь? Гардин поступил мудро – оставив режиссуру, он вернулся к первой профессии и снялся более чем в семидесяти фильмах, и некоторые его роли просто незабываемы. Например, граф Толстой в сцене вербовки жены царевича Алексея: «Шейка-то у тебя белень-

кая...» – «Не про тебя это!» – «А ну как по такой шейке. да топором тяпнуть?...»

Амо Бек, он же Амбарцум Иванович Бекназарян, кино-трюками занимался недолго. С его южным темпераментом и прекрасными внешними данными он ещё до революции сделался известным актёром немого кино. Советской власти такие перспективные нацкадры были нужны, и Амбарцум Иванович стал режиссером, а в итоге – основателем армянской кинематографии. Его имя носит студия «Арменфильм».

Саблин, как и положено герою революции, дожившему до ежовщины, был расстрелян в 1937 году.

Вышинский и Лихачёв, Подбельский и Шкирятов прожили разные жизни и умерли в разное время, но упокоились все четверо у Кремлёвской стены. От первого осталась дурная слава и кабина маленького спецлифта, от второго – завод, выпускающий автомобили, более пригодные для фронтовых дорог, нежели для мирной жизни, от третьего – название улицы и станции метро (пока их не переименовали), а от последнего не осталось и вовсе ничего.

Поговорить о Маяковском нам ещё представится случай; что же до Булгакова, то пути его персонажей неоднократно пересекутся с маршрутом нашей прогулки.

1. Пушкинская площадь

Сегодняшняя наша прогулка будет связана с великим романом Булгакова, и как же не процитировать любимого автора, стоя возле памятника а Пушкину:

«Вот пример настоящей удачливости... – тут Рюхин встал во весь рост на платформе грузовика и руку поднял, нападая зачем-то на никого не трогающего чугунного человека, – какой бы шаг он ни сделал в жизни, что бы ни случилось с ним, все шло ему на пользу, все обращалось к его славе! Но что он сделал? Я не понимаю. Что-нибудь особенное есть в этих словах: «Буря мглюю...»? Не понимаю!.. Повезло, повезло! – вдруг ядовито заключил Рюхин и почувствовал, что грузовик под ним шевельнулся, – стрелял, стрелял в него этот белогвардеец и раздробил бедро и обеспечил бессмертие...»

И ведь действительно – загадка. Что уж там Рюхин с его «взвейтесь да развейтесь» – даже для Анны Ахматовой ответ был не очевиден:

Кто знает, что такое слава!
Какой ценой купил он право,
Возможность или благодать
Над всем так мудро и лукаво
Шутить, таинственно молчать
И ногу ножкой называть?..

Сказать, что до Пушкина русской поэзии не было, а существовало разве что русское стихосложение – пожалуй, будет преувеличением. От Тредиаковского до Жуковского российская словесность прошла «дистанцию огромного размера». Но тогда что же такого особенного сделал Пушкин?

Проезд Тверского бульвара. Открытка из коллекции Алексея Рябова, 1900-е гг.

Он дал возможность увидеть высшую гармонию – в простоте. Приблизив поэтическую речь к разговорному языку своей эпохи, Пушкин совершил в определённом смысле культурную революцию. Во-первых, круг читателей начал

резко расширяться, втягивая в себя людей из разных сословий, а во-вторых, изменилась и сама поэзия. Стихотворцы пушкинской поры осознали, что совсем не обязательно стоять на котурнах с лирой в руках, чтобы быть поэтом. Читая пушкинские строки на фоне того, что писали в те времена, не видеть этого невозможно.

Карамзин:

Престань, мой друг, поэт унылый,
Роптать на скудный жребий свой
И знай, что бедность и покой
Ещё быть могут сердцу милы.

Пушкин:

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

Жуковский:

Когда я был любим, в восторгах, в наслажденье,
Как сон пленительный вся жизнь моя текла.
Но я тобой забыт, – где счастья привиденье?
Ах! счастьем моим любовь твоя была!

Пушкин:

Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

Языков:

Сияет яркая полночная луна
На небе голубом; и сон и тишина
Лелеят и хранят мое уединенье.
Люблю я этот час, когда воображенье...

Пушкин:

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.

До примитивности просто, к тому же автор позволяет себе глагольные рифмы и тавтологию – а по спине мурашки бегут. Возможно ли такое перевести на другие языки?.. Сомнительно. Должно быть, потому и не дано понять иностранцам, что за явление такое – Alexandre Pouchkine.

Ну а мы-то, конечно, с готовностью признаем, что «Пушкин – это наше всё», и ни на миг не усомнимся в том, что

нет в русской истории персоны более достойной памятника на самой многолюдной площади российской столицы.

Установке монумента предшествовали долгие хлопоты Жуковского, начатые вскоре после гибели Пушкина и не имевшие успеха, поскольку Николай I разве что терпел своего великого современника, но уж точно не любил, да и не существовало в те времена традиции ставить памятники стихотворцам. Собрать денег по подписке удалось немного, а из казны правительство не выдало ничего, и довольно скоро идея угасла, тем более что установить памятник дозволялось в селе Михайловском – а кто бы его там увидел?

Владимир Орлов. Тверской бульвар, 2009 г.

Вторую попытку в 1855 году предприняли 82 чиновника Министерства иностранных дел, в штате которого поэт числился в юности. Несмотря на то что главой дипломатического ведомства вскоре был назначен князь Горчаков (тёзка Пушкина и его однокашник по первому выпуску лицея), дело так и не сдвинулось с мёртвой точки. Видимо, у князя своих забот хватало.

Ещё через пять лет новое прошение об установке памятника подали лицеисты пушкинского и более поздних выпус-

ков. На этот раз предполагалось установить монумент уже в Петербурге, среди статуй Летнего сада. К тому времени слава Пушкина уже перевешивала все претензии к нему со стороны властей, и потому разрешение было дано, но опять-таки только разрешение – не деньги. Объявленный сбор средств позволил набрать около 130 тысяч рублей. Располагая такой суммой, уже можно было приступить к практическим действиям, но тогда, видимо, не было личности, обладавшей достаточным весом в обществе и готовой взять на себя организацию конкурса и множество прочих забот.

Такой человек появился и принялся за дело в 1870 году. Им стал Яков Карлович Грот, вице-президент Российской академии наук и тоже воспитанник лицея. Он организовал новую подписку, увеличившую сумму собранных средств ещё на 106 тысяч рублей.

В открытом конкурсе проектов памятника победу одержал Александр Михайлович Опекушин, сын ярославского крестьянина, потомственный лепщик (в тех местах, где он родился, многие крепостные не были земледельцами, а занимались отхожим промыслом, владея ремёслами каменотёсов, лепщиков и штукатуров). С разрешения помещицы отправленный на учёбу в Петербург, будущий скульптор продемонстрировал там не только способности, но и большую целеустремлённость – и в рисовальной школе, и в скульптурной мастерской он завершал курс обучения на год быстрее, чем другие ученики. Работая как каторжный, он скопил 500

рублей, и за эту сумму помещица Ольхина отпустила его на волю.

Однако свобода – фактор для жизни пусть и необходимый, но недостаточный. Нужна ещё и хоть маленькая толика удачи. За неимением лучшего несколько лет приходилось считать удачей возможность работать помощником у скульптора Микешина. Собственно, Михаил Микешин был художником-баталистом и не владел техникой ваяния и лепки, но зато в качестве учителя рисования великих княжон обладал связями в высших сферах. Нарисовать прекрасные эскизы памятника он мог, но вот для воплощения своих идей в бронзе ему требовались помощники, одним из которых и стал Опекушин. Вместе они создали памятник тысячелетия России в Новгороде и памятник Екатерине II в Петербурге.

Конкурс на создание памятника Пушкину явился для Опекушина прекрасным шансом проявить себя в самостоятельной работе. Это был не выигрыш в лотерею, а настоящая битва. Конкурс проходил в три тура в течение нескольких лет, и в нём приняли участие практически все видные скульпторы того времени. Даже Марк Антокольский, давно уже переселившийся в Европу, не упустил случая поучаствовать в завершающем туре. Он проанализировал обсуждавшиеся в прессе ошибки других конкурсантов, сделал выводы и очень быстро представил свой вариант – но не модель памятника, а скорее концептуальный макет многофигурной композиции, сопровождавшийся письменным пояснением автора.

Такой подход к участию в конкурсе напоминал кавалерийскую атаку, поддержанную артиллерией: международная известность Антокольского обеспечила ему весьма положительные оценки критиков и прессы. В газетах развернулась полемика, изрядно потрепавшая нервы всем участникам конкурса, в особенности обоим фаворитам.

Члены жюри оказались в растерянности: они ведь понимали, что этот памятник – на века, но ни один из вариантов не удовлетворял их полностью. Например, Иван Крамской о работе Опекушина отозвался так: «Это не фигура поэта, но приличный статский человек – вот и всё», а модель Антокольского при всей симпатии к автору назвал «памятником не Пушкину, а самому себе», намекая на чрезмерно заметное авторское честолюбие.

Как бы то ни было, первое место всё же досталось Опекушину, он приступил к работе над отливкой и постаментом, и через пять лет состоялось торжественное открытие памятника. Произошло это 6 июня 1880 года, в день рождения Александра Сергеевича и через сорок три года после его гибели.

К тому времени образ Пушкина-поэта давно уже заслонил в сознании читающей публики образ Пушкина-человека. Но видеть разницу было уже практически некому. Например, из лицеистов пушкинского выпуска в день открытия памятника оставались в живых только двое – канцлер князь Горчаков и статс-секретарь Государственного совета Комовский. Первый из них на открытие памятника не приехал по причи-

не болезни, второй же был на торжестве одним из почётных гостей, но памятником остался недоволен: «Как ни рассматривал я со всех сторон, ничего напоминающего – никакого восторженного нашего по эта я, к сожалению, не нашел во все в какой-то грустной, поникшей фигуре, в которой желал изобразить его потомству почтенный художник».

Москва.—Moscou. № 199.

Памятник Пушкину.

Monument de Pouchkin.

Памятник А.С. Пушкину на Тверском бульваре. Открытка из коллекции Александра Кукушкина, 1900–1910 гг.

Хотя Комовский, по прозвищу Лиса не особенно тесно общался с Пушкиным ни в лицейские годы, ни позже – в каком-то смысле он всё-таки прав: в этом задумчиво-печальном бронзовом человеке совершенно не ощущается обладатель африканского темперамента. Лицеист Пушкин, гордившийся прозвищем «Обезьяна с тигром», и в зрелые годы ничуть не утратил живости натуры. Обладая сложным характером и непоседливым темпераментом Близнеца, в частной жизни поэт был дамским угодником, картёжником и задирой, готовым вызвать к барьеру хоть известного бретёра, хоть незнакомца в театре за сделанное замечание по поводу чересчур шумной манеры выражать скуку во время спектакля. Впрочем, в большинстве случаев не Пушкин посылал секундантов, а у него требовали сатисфакции за чересчур обидные эпиграммы или шутки.

В гостинной свиньи, тараканы
И камер-юнкер граф Хвостов.

Любой приличный граф после такого полезет в драку. Однажды даже безобидный Кюхля стрелялся с другом, не стерпев очередной шуточки:

За ужином объелся я,

Да Яков запер дверь оплошно —
Так было мне, мои друзья,
И кюхельбекерно, и тошно.

Наверное, это лишь видимость, что поэт владеет словом. На самом деле — слово владеет им, пляшет на кончике языка мелким бесёнком, и удержать этакое словцо нет никакой возможности.

У дамы Керны
Ноги скверны.

Помимо краткости, честно говоря, ничем не блещет сия эпиграмма — и придержать её при себе Пушкину следовало и как джентльмену, и как поэту, воспевшему ту же особу «как гений чистой красоты».

Кстати, это тоже загадка: почему талант, как правило, не желает быть благонамеренным гражданином и добрым соседом, а вечно прёт на рожон, разбивает любящие сердца и предаётся более или менее тяжким порокам, а тот, кого Судьба одарила не столь щедро, обычно проявляет себя как надёжный друг, прекрасный семьянин и вообще пример для подрастающего поколения? Может быть, помимо закона сохранения энергии, существует и неоткрытый пока закон сохранения добродетели... или баланса гения и злодейства в душе художника?

Хотя так ли уж это важно, если по прошествии времени от

автора всё равно не остаётся ничего, кроме произведений да ещё имиджа, обычно искажённого воспоминаниями современников. А уж потомки чтят память и увековечивают по собственному разумению. В соответствии с конъюнктурой (или с генеральной линией партии) одних вычёркивают из энциклопедий, других поднимают на щит. Как писал Борис Пастернак,

Кому быть живым и хвалимым,
Кто должен быть мертв и хулим,
Известно у нас подхалимам
Влиятельным только одним.

Не знал бы никто, может статья,
В почете ли Пушкин и ль нет,
Без докторских их диссертаций,
На все проливающих свет.

В 1937 году, когда в СССР с большой помпой отмечали столетие со дня гибели поэта, в Пушкинскую была переименована площадь, прежде называвшаяся Страстной. (Вообще, первая попытка переименования случилась ещё в 1918-м, но такое вычурное название, как «площадь Декабрьского восстания», конечно же не прижилось.)

Основанный при царе Алексее Михайловиче женский Страстной монастырь простоял здесь почти три столетия и многое успел пережить. Наполеоновские солдаты его разгра-

били и прямо у ворот расстреляли десяток горожан, пойманных на месте поджогов; большевики закрыли обитель и вселили в помещения военный комиссариат; загулявшие поэты во главе с Сергеем Есениным расписали стены монастыря своими стихами – как им казалось, революционно-богоборческими:

Есенин:

Пою и взываю: Господи, отелись!

Мариенгоф:

Граждане, душ меняйте белье исподнее!

Магдалина, я тоже сегодня

Приду к тебе в чистых подштанниках.

Эту выходку Сергей Александрович позволил себе прямо на глазах у бронзового Александра Сергеевича, стоявшего тогда на Тверском бульваре, лицом к монастырю.

Страстная площадь в 1937 г.

Пушкин и сам был в молодости изрядным шалопаем, но уж тут он вряд ли сказал бы: «Ай да Есенин, ай да сукин сын!» Потому что одно дело написать фривольную «Гавриилиаду» и за эту шалость потом долго отдуваться, другое – поглумиться над верой, зная, что совершенно ничем не рискуешь. А Есенин действительно не рисковал, поскольку тогдашний нарком внутренних дел товарищ Рыков отдал негласное указание на поэта Есенина протоколов не составлять и никаких дел не заводить, даже если он в пьяном виде учудит что угодно. А уж испохабить стены монастыря тогда и вовсе за криминал не считалось.

Да и что монастырь – в 1929 году его превратили в Центральный антирелигиозный музей Союза безбожников СССР, а в 1938-м вообще снесли в ходе реконструкции и расширения улицы Горького.

Стоявшая по другую сторону Тверской церковь Дмитрия Солунского со старинной шатровой колокольной тоже была снесена, и в 1939 году на её месте начали строить жилое здание, получившее потом прозвище «дом под юбкой» из-за угловой башенки, украшенной скульптурой девушки с моделью яхты в руках. В хрущёвские времена под предлогом ветхости (а фактически – в рамках борьбы с излишествами в архитектуре) статую демонтировали, а прозвище какое-то время ещё было в ходу.

Страстная площадь и реконструкция улицы Горького. Фото из фонда ЦИГИ, 1937–1938 гг.

На этой фотографии стройка ещё не началась, и потому хорошо виден знаменитый дом Нирензее.

В числе множества знаменитостей в этот дом часто захаживал и Михаил Булгаков – то в редакцию газеты «Накануне», то в гости к знакомым. Однажды в квартире 527 на вечеринке, устроенной супругами Моисеенко по случаю Масленицы, соседкой Булгакова за столом оказалась Елена Ши-

ловская – «женщина, в глазах которой всегда горел какой – то непонятный огонёчек».

Вообще-то на ту вечеринку не очень хотели идти ни Михаил Афанасьевич, ни Елена Сергеевна. Почему Булгаков всё же пришёл, неизвестно, а вот Шиловскую туда привело желание увидеть знаменитого драматурга.

М.А. Булгаков в компании друзей. Снято в другое время и в другом месте, но тоже в гостях – у Стронских. Москва, Чистый (Обухов) переулок, д. 1, кв. 14. Сидят (*слева направо*): М.А. Булгаков, художник Б.В. Шапошников, Л.Е. Белозерская, М.А. Чимишкиан, Н.К. Шапошникова, В.Я. Стронская. Стоят: И.Н. Стронский, Н.Н. Лямин, Н.М. Строн-

ский, неизвестный (квартирант Стронских, доктор Х.). Фотография Н.А. Ушаковой из фондов музея «Булгаковский дом», 1926 г.

«Я интересовалась им давно. С тех пор, как прочитала „Роковые яйца“ и „Белую гвардию“. Я почувствовала, что это совершенно особый писатель, хотя литература 20-х годов у нас была очень талантлива. Необычайный взлёт был у русской литературы. И среди всех был Булгаков, причём среди этого большого созвездия он стоял как-то в стороне по своей необычности, необычности языка, взгляда, юмора: всего того, что, собственно, определяет писателя. Всё это поразило меня...»

«Сидели мы рядом. – вспоминала она много лет спустя. – У меня развязались какие-то завязочки на рукаве. я сказала, чтобы он завязал мне. И он потом уверял всегда, что тут и было колдовство, тут-то я его и привязала на всю жизнь».

Елене Сергеевне суждено было стать его третьей женой. Это ей он скажет: «Дай мне слово, что умирать я буду у тебя на руках...» Именно она сохранит для нас рукопись его романа.

Но о романе немного позже. Прежде чем тронуться в путь, ещё несколько слов о Пушкинской площади. Три линии метро пересекаются под ней, и три станции ежедневно «выпускают из дымного рта» примерно 300 тысяч человек – население небольшого города вроде Череповца или Сургута.

За неимением в здешних местах металлургических заводов и нефтяных месторождений обитателям площади заняться особенно и нечем. Казино закрыли, Дом актёра давно сгорел, кинофестивали бывают раз в два года – «куды крестьянину податься?....». Разве что в зимнем фонтане посидеть или в мак-дачной перекусить.

Кстати, о заведении. Первый в России «Макдоналдс», открывшийся здесь более двадцати лет тому назад, уже воспринимается как часть пейзажа, как урна на бульваре... Когда «пиво подходит к концу», сидящие в сквере тусовщики могут без лишних хлопот сбегать в «Мак» и просто не поверят, если им рассказать, какая стояла очередь в это заведение в первые месяцы его работы. Обычно она от метро огибала сквер вдоль Твербуля, сворачивала вправо к Сытинскому переулку и только потом по Большой Бронной подходила к дверям «ресторана быстрого питания». Ну, быстро или нет, а уж несколько часов под присмотром милиционеров приходилось людям отстоять, прежде чем они узнавали, что такое гамбургер и с чем его едят.

В этом же помещении до открытия диковинного фастфуда работал другой общепит – не то чтобы западный, но и не вполне советский. Знаменитое кафе «Ли́ра» тоже можно считать символом своей эпохи. Модный интерьер, отборная публика (знаменитые или подающие надежды мужчины в поисках новых впечатлений и красивые женщины в поисках перспективных знакомств), умеренные цены (бокал су-

хого за 90 копеек или 50 граммов коньячку за 4.50), живая музыка и возможность потанцевать – всё это делало кафе очень популярным.

Ради возможности послушать музыку, которую не крутили по радио, или попробовать коктейль (какой-нибудь таинственный «Шампань-коблер», сносивший неокрепшие головы), у входа с раннего вечера толпилась молодёжь, одетая довольно вызывающе. Этих «печальных рыцарей жевательной резинки» клеймила центральная пресса, им регулярно выпадали неприятности по комсомольской линии, но их желание жить своей собственной жизнью, а не той, что придумана кремлёвскими теоретиками, было сильнее.

Конечно, здесь собирались не борцы с режимом, а нормальные молодые люди. Разные. Любители музыки, зачитывавшиеся Хемингуэем студенты, сынки чиновных родителей, девушки, мечтавшие познакомиться с западными дипломатами или хотя бы с нашими студентами МГИМО, обычные городские пижоны и фарцовщики, способные достать настоящие штатовские джинсы или пластинки Элвиса.

У дверей в з аведение – народа скопление, топтанье и пар. Но народа скопление не имеет значенья – за дверями швейцар.

Неприступен и важен, стоит он на страже боевым кораблём.

Ничего он не знает и меня пропускает лишь в погоне за длинным рублём.

Написавший эту песню Андр ей Макаревич был одним из тех музыкантов, чей путь к славе начинался в танцевальном зале кафе «Ли́ра», как и у Константина Никольского, Вячеслава Малезика и многих других. А среди тех, кто слушал в их исполнении песни битлов и роллингов, могли за одним столиком оказаться Василий Аксёнов (молодой, но уже знаменитый писатель) и никому пока не известный студент Института востоковедения Юлик Ляндрес (отчаянный стилига и хозяин мопса, выкрашенного зелёнкой).

Повести Аксёнова передали царившую здесь лёгкую и свободную атмосферу, а интерьер «Лиры» сохранился в экранизации романа Юлиана Семёнова «Семнадцать мгновений весны» – помните ту сцену, где Штирлица, сидящего в баре в ожидании связного, пытается клеить подвыпившая дамочка: «О нас, математиках, говорят как о сухарях... Это ложь. Ложь! В любви я – Эйнштейн!...» (Кстати, в этом эпизоде блеснула Инна Ульянова – неподражаемая Маргарита Павловна Хоботова из фильма «Покровские ворота».)

Однако совсем не об этой Маргарите наш сегодняшний рассказ, и возникла она в нём, очевидно, лишь в качестве напоминания, что пора трогаться в путь.

2. Дом настоящего человека

Дом на углу Новопушкинского сквера и Тверской отмечен несколькими мемориальными досками. Одна из них – в честь жившего здесь Алексея Маресьева, чьё имя знал любой советский школьник. Подвиг Маресьева и его военная биография несколько десятилетий работали на советскую пропаганду, превратив человека в живую легенду, в образец для подражания. Повесть Бориса Полевого, фильм Александра Столпера, опера Сергея Прокофьева сделали общее дело, подняв на пьедестал одного, а всех остальных невольно задвинув в тень.

Отнюдь не с целью развенчания, а исключительно ради объективности следует сказать, что случались на войне и другие похожие истории. Да, Алексей Маресьев сбил 11 самолётов противника, и 7 из них – уже после того, как из госпиталя вернулся в строй с ампутированными ниже колена ногами. Но были и другие лётчики, сумевшие после тяжёлых ранений вернуться на фронт и одерживать победы над врагом.

Леонид Белоусов тоже летал без ног весь последний год войны – правда, сбить ему удалось только один самолёт.

Иван Любимов получил тяжёлое ранение и лишился одной ступни; к концу войны на его счету было 20 побед, в том числе 9 – уже после возвращения из госпиталя.

Захар Сорокин отморозил обе ступни – 18 побед, из них 13 – после ампутации.

Разница между ними и Маресьевым лишь в том, что «Повесть о настоящем человеке» о каждом герое не напишешь, и уж кому повезло быть увековеченным – тому и повезло. Для полной объективности следует сказать, что не только на Восточном фронте и не только наши лётчики проявляли героизм.

Улица Горького, дом № 19. Фото из собрания Е.Н. Масленникова, 1940–1950 гг.

Англичанин Дуглас Бэйдер, мастер высшего пилотажа, потерял обе ноги ещё в 1931 году, но с началом войны вер-

нулся в строй, в должности командира эскадрильи участвовал в Битве за Англию, сбил 20 самолётов лично и 4 в группе, а ещё 18 повредил.

Японец Сабуро Сакаи, сражаясь с американцами на Тихом океане, в одном из боёв сбил 4 самолёта противника, доведя счёт своих побед до 60, причём из того боя вернулся истекающим кровью и частично парализованным. Сложно понять, как он сажал свой «Зеро», ещё труднее – представить, как ему, ослепшему на один глаз, удавалось потом летать и сбить ещё 4 самолёта противника.

Были такие пилоты и у немцев. Адольф Галланд при испытаниях нового самолёта разбился и плохо видел левым глазом. Чтобы обхитрить врачебную комиссию, он выучил наизусть тестовую таблицу и точно называл буквы, в каком бы направлении ни водил указкой окулист. Тот же трюк применил Петер Дюттман. Первому «полуслепому» удалось одержать 104 воздушных победы, второму – 152.

Воздушный бой

Естественно, что нацистская пропаганда тоже не упустила возможности создать образы героев. Одним из них стал Ханс

Ульрих Рудель, пилот штурмовой авиации. За время военных действий он уничтожил 9 самолётов, 519 танков, свыше 800 автомобилей, 50 позиций артиллерийских батарей, 4 бронепоезда. Потопил линкор «Марат», лидер «Минск», эсминец «Стерегущий», около 70 десантных судов.

Зенитным огнём его сбивали более тридцати раз, пять раз был ранен. Шесть раз совершал посадку за линией фронта, чтобы вывезти сбитые экипажи. Всего он выполнил 2530 боевых вылетов (вдумайтесь в эти цифры). После очередного ранения Руделю ампутировали нижнюю часть голени. Не прошло и двух месяцев, как он вернулся в строй и продолжал воевать... Такой человек – просто находка для пропаганды, и, если бы его не было, Геббельсу пришлось бы его выдумать.

Ханс Ульрих Рудель стал единственным человеком, награждённым Рыцарским крестом с золотыми дубовыми листьями, мечами и бриллиантами. Эту особую награду, которой должны были удостоиться 12 лучших «сынов фатерланда» после победы рейха, фюрер вручил Руделю 1 января 1945 года, когда стало уже ясно, что победы рейха не будет.

А ведь всего четырьмя годами ранее мало кто из немцев сомневался в победе. На оккупированную советскую территорию даже успели завезти блоки финского гранита, из которого собирались создать монумент в память своего триумфа...

«Хочешь насмешить Создателя – расскажи Ему о своих планах». Брошенный при отступлении гранит был использо-

ван для облицовки нижних этажей домов № 9 и 11 на улице Горького.

3. Дом Труда и Правды

Здание на противоположной стороне Тверской снова стоит, укрытое чехлом. Всего лет пять назад дом реставрировали, но тогда он так долго находился в этом состоянии, что даже можно было забыть, как он выглядел до начала процесса, и возникало подозрение: не для того ли всё было затеяно, чтобы заработать на рекламе, покрывавшей его буквально со всех сторон. Тогда вид здания практически не изменился – посмотрим, что будет в этот раз.

Построенный в 1904 году Адольфом Эрихсоном по заказу книгоиздателя И.Д. Сытина, сто лет назад дом выглядел вот так. Внизу размещался книжный магазин Сытина, на втором и третьем этажах – редакции ему же принадлежавших газеты «Русское слово» и журнала «Искры», а семья Ивана Дмитриевича занимала верхний этаж и мезонин. После революции на месте сытинских редакций обосновались советские – сначала «Правда», потом «Труд», обычное дело.

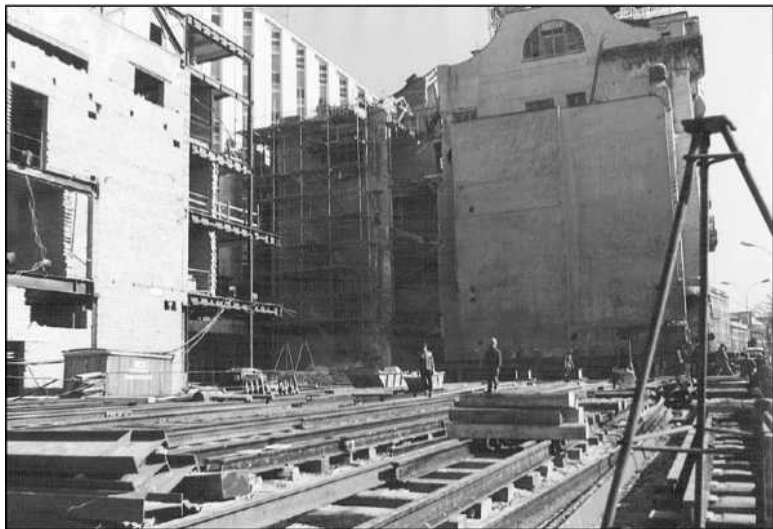

Тверская улица, дом № 186. Фото 1910-х гг.

Нечто необычное произошло с этим зданием в 1979 году: его передвинули с одного места на другое. Собственно, в Москве подобные операции проводились неоднократно, особенно в конце 1930-х годов, когда на одной только улице Горького (Тверской) при её расширении передвинули целых три дома – Саввинское подворье, здание Моссовета и глазную больницу. Приспособления для подобных операций в те времена использовались довольно простые: гидравлические

домкраты и полиспасты, то есть системы тросов и колёсных блоков, известные с древности. Однако и этими средствами удавалось перемещать здания весом от 500 до 25 000 тонн на расстояние до 200 метров.

Прежде чем постройку отделить от фундамента, её по линии среза укрепляли обвязочным поясом из прокатного металла, затем изготавливали другой фундамент на новом месте и прокладывали несколько рельсовых линий, по которым на стальных катках зданию предстояло передвигаться.

Перемещение бывшего дома Сытина. Фото из архивных фондов Департамента культурного наследия города Москвы, 1979 г.

Процесс передвижки требовал довольно много времени, поскольку в первую очередь требовалось объект переместить, не повредив, и лишь во вторую – сделать это в срок. Иногда задача усложнялась тем, что здание предстояло не только передвинуть, но и развернуть, однако в любом случае повседневная жизнь обитателей мигрирующего дома не прерывалась никаких изменений – Моссовет работал в обычном режиме все те четыре месяца, пока здание готовили к перемещению, и те 40 минут, за которые его передвинули на запланированные 14 метров, а жилые дома переезжали даже без отселения жильцов. Понятно, что все инженерные сети (электричество, водопровод, канализация), подключённые через гибкие шланги и кабели, при этом функционировали.

Что касается дома, который мы видим, то в техническом смысле операция по его перемещению не представляла собой ничего особенного – от здания отделили секции с лестничными клетками, уложили 8 ходовых путей и по ним со средней скоростью 2 сантиметра в минуту за 28 часов переместили здание на 34 метра, до Настасьинского переулка, где дому предстояло соединиться с концертным залом издательства «Известия».

Вид на улицу Горького от Страстной площади. Фото из фонда ЦИГИ, 1934 г.

Необычными в этой операции представляются два факта. Первый: дом не задвигали за «красную линию», а перемещали вдоль неё, что довольно странно. Второй: дом не сломали, хотя вполне могли бы. Для первой из загадок кто-то придумал довольно забавное объяснение: сытинский дом отодвинули в сторонку, чтобы он своим модернистским фасадом не заслонял социалистическое величие нового корпуса комбината «Известия». Что можно на это сказать? Художественные вкусы у представителей партийной верхушки бывали своеобразные, – но вряд ли уж настолько. На самом деле

причина передвижки была сугубо рациональна: готовилась к открытию станция метро «Горьковская» (ныне «Тверская») и нужно было сделать так, чтобы вход на станцию был виден с улицы Горького.

Удивительно, почему сытинский дом всё же передвигали, а не разрушили, как это при строительстве всё того же здания «Известий» произошло с соседним зданием, в котором работал кинотеатр «Центральный», а также с «домом Фамусова» (а если точнее, то особняком М.И. Римской-Корсаковой, на балах и приёмах у которой собирались персонажи, вдохновившие Грибоедова на создание «Горя от ума»).

А причина проста. Дом спасла мемориальная доска со словами: «В этом здании с 1918 по 1929 год работала секретарём редакции газеты «Правда» Мария Ильинична Ульянова». Факт, возможно, и достопамятный, но вот мне хочется рассказать о совсем другом человеке.

Издатель

Из всех изобретений и открытий в науке и искусствах, из всех великих последствий удивительного развития техники на первом месте стоит книгопечатание.

Чарлз Диккенс

Как известно, испорченные квартирным вопросом москвичи очень ревниво относятся ко всем «понаехавшим». В особенности если те добиваются успеха. Справедлива эта неприязнь или так проявляется комплекс неполноценности рождённых в «нерезиновой», но так и не поймавших своего шанса, мы выяснять не будем. Лучше расскажу про одного из тех, кто свой шанс создал собственными руками.

Начиналась эта история почти как чеховский рассказ «Ванька Жуков». Двенадцатилетний Ванька, старший из четверых детей волостного писаря с ела Гнездниково, был отдан в обучение скорняку на Нижегородской ярмарке. Мальчишка оказался смекалистым и работающим, и мог бы из него выйти хороший меховщик или торговец пушным товаром, а получился крупнейший российский книгоиздатель.

Лавка лубочных картинок и билетов.
(Оригиналы рисунков В. Васнецова)

Виктор Васнецов. Лавка лубочных картинок

Иван Дмитриевич Сытин, окончивший три класса сельской школы, до конца жизни писал с ошибками, но какое это имеет значение, если ни в жизни, ни в бизнесе он не ошибался? На шестнадцатом году жизни Иван приехал в Москву, имея в кошельке пару рублей мелкой монетой, а в шапке – письмо, рекомендовавшее его купцу Шарапову как человека непьющего и честного. Однако вышла незадача – нужды в торговце-коробейнике Шарапов не имел. Правда, ему требовался смышлёный человек в книжную лавку, недавно унаследованную от брата. Иван заверил, что книжки очень любит и потому всенепременно справится. Книг он в жизни видывал немного, так что в этом слухавил, но зато в главном не обманул: лавка начала приносить прибыль.

Шарапов присмотрелся к парню как следует и, уверившись, что толк из него будет, предоставил свободу действий. Сытин свёл знакомство с бродячими торговцами и быстро организовал целую сеть из коробейников, носивших по деревням немудрёную печатную продукцию: сказки, песенники, лубочные картинки... Совсем недавно сам ходивший с «коробочкой», Иван прекрасно ладил со своими дилерами и потому легко получал из первых рук информацию о том, на что вообще есть спрос. Можно и нужно было открывать собственное дело, но мешало отсутствие капитала.

Бездетный старик Шарапов полюбил Ивана как сына, потому и помог ему, как родному: за толкового, но безденеж-

ного парня сосватал шестнадцатилетнюю дочку купца-кондитера, и очень удачно – Евдокия родила Ивану десять детей, и сыновья стали отцу помощниками. Помогли Сытину и 4 тысячи рублей приданого. Заняв у Шарапова ещё столько же, Иван купил свой первый литографский станок, с которого и началось огромное издательское дело, – но не будем забывать и о том, что главная часть любого предприятия есть голова его владельца, а в идеях у Ивана Сытина недостатка не было.

Первая идея выстрелила в годы Русско-турецкой войны. Тема освобождения братьев-славян от владычества Османской империи очень воодушевляла все слои российского общества, даже тех людей, кто и не знал толком, где находятся Балканы. Сытин принялся выпускать иллюстрированное «Пособие для читателей газет» в виде карт с обозначением театра военных действий, диспозиций войск и мест сражений. Очень большие тиражи позволяли держать низкие цены. Это делало сытинский проект неуязвимым для конкурентов и вообще прибавляло популярности его изданиям.

Другим прорывом на рынке печатной продукции стали календари. Ещё с петровских времён издавать календари позволялось только Академии наук (видимо, из опасения, что на Руси всегда найдутся самородки, способные выдумать не только 32 мая, но и 33-е). Привилегию уж е лет двадцать как отменили, но до Сытина никому и в голову не приходило, что в открывшейся нише – настоящий Клондайк.

А Иван Дмитриевич просто добавил к собственно календарю ещё некоторые полезные сведения: святцы, указатель железнодорожных станций, описание государственного устройства Российской империи, ну и так, по мелочи – от рецептов вкусных и питательных блюд до народных средств лечения ящура.

НАРОДНЫЙ РУССКИЙ КАЛЕНДАРЬ

на 1906 г.

Издание
Т-ва И. Д. Сытина.

Цена
20 коп.

Обложка «Народного русского календаря». Издательство И.Д. Сытина

Сытинские календари стоили по двугривенному, а выглядели на полтину, и народ их буквально с руками отрывал. Заказы посыпались лавиной, и нипочём не удалось бы удовлетворить такой безумный спрос, если бы не возможность купить новую типографию на доходы от карт военных действий. Уже на второй год издания этого календаря тираж его составил 6 миллионов экземпляров.

Следующий хит продаж был прост до гениальности: книжка в 365 листков, каждый из которых по линии дырочек отрывался, уступая место следующей дате, а на обороте сорванного листка, прежде чем свернуть из него пару самокруток, можно было прочесть что-то интересное. Причем интересное не «так, вообще», а рассчитанное на вполне определённый круг читателей. Календари выпускались разные: «Всеобщий русский», «Народный сельскохозяйственный», «Общепользный», «Царь-колокол» и тому подобное. Целый штат редакторов старался сделать так, чтобы публиковавшаяся в календарях информация не повторялась и давала пищу уму.

Первая типолитография И.Д. Сытина на Пятницкой. Из коллекции М.В. Золотарёва

Но однажды перестарались. Перепечатали из какого-то иностранного источника такие статистические данные: «Американский рабочий ест фунт говядины в день, английский $\frac{3}{4}$ фунта, французский и немецкий – $\frac{1}{2}$ фунта. Русский 2 золотника». Вскоре пришло полицейское предписание об изъятии из продажи всего тиража. А тираж был так велик, что убытки от его уничтожения стали бы для фирмы катастрофой.

Надо было как-то выкручиваться, ведь с властями шутки плохи... Единственная защита от них – это более высокие власти. И Сытин через кого-то из знакомых нашёл способ передать великому князю Константину Константиновичу экземпляр злосчастного календаря вместе со своими письменными объяснениями по поводу произошедшего. Великий князь, человек образованный и утончённый (он переводил Шекспира и Гёте, сочинял стихи и драмы, представляя публике свои произведения под псевдонимом К. Р.), счёл уместным замолвить словечко перед Александром III.

Фамилия Сытина была императору известна: не так давно он собственноручно утвердил Устав товарищества «И.Д. Сытин и К^о» и знал, что фирма печатает не только календари и лубочные картинки, но также издаёт произведения Пушкина, Гоголя и других великих русских писателей, причём по очень доступным ценам. Понимая, что закрытие такого предприятия России не на пользу, государь решил дело по своему разумению, оставив на поданной ему записке собственноручную резолюцию: «Не вижу оснований налагать кару на сие издание».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.